

Дипломатическая деятельность генерал-аншефа Н.В. Репнина в 1774—1776 гг.

И.И. Белоусов

В ходе русско-турецких войн, политического противоборства была заложена система дипломатических отношений России с Османской империей, просуществовавшая десятки лет. В основу этой системы был положен Кючук-Кайнарджийский договор, одним из авторов которого был князь Н.В. Репнин. Ему довелось принять участие в решении Восточного вопроса в «судьбоносные» периоды военно-политической борьбы. В различные годы российско-турецкого противостояния князь неоднократно выступал в роли военачальника и дипломата, действовал «пером и шпагой» и при этом достиг больших результатов, навсегда оставив свой след не только в российской, но и в мировой истории. Неслучайно для ведения переговоров генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев назначил генерал-поручика Репнина. «Я не имел других людей, сведущих, кроме единого князя Репнина, практикованного в делах сего рода», — докладывал главнокомандующий Екатерине II¹. Именно Репнину пришлось выработать условия мирного трактата. В результате напряженных переговоров 10 июля 1774 г. на выгодных для России условиях был подписан мирный договор с Турцией, вошедший в историю под названием Кючук-Кайнарджийского мира². В этот день, когда исполнилось 63 года со времени заключения Прутского договора 1711 г., договор подписал с российской стороны Репнин, а с турецкой — Ресми-Ахмед и Ибрагим-Мюниб. По оценке историков, этот «самый обширный и детализированный из всех русско-турецких договоров» «послужил основой всех последующих мирных трактатов между Россией и Турцией»³.

В соответствии с договором в состав Российской империи была включена территория между Бугом и Днестром, а также крепости Керчь, Еникале и Кинбурн. Были подтверждены права России на территорию Кабарды, принявшей русское подданство в XVI веке. Азов и приазовские земли, завоеванные Петром I в конце XVII в., были окончательно закреплены за Россией. Крымское ханство отделялось от Османской империи и провозглашалось независимым. Черное море и проливы были открыты для русского торгового судоходства. Перед российской торговлей раскрылись новые перспективы.

Статьи 7, 14, 16 и 17 договора зафиксировали обязательство Порты обеспечить свободу исповедания христианской религии подданными Османской империи. Это был громадный успех российской дипломатии в стране, где

Белоусов Игорь Иванович — докторант Военного университета, кандидат исторических наук.

государственной религией был ислам. На основе статей о свободе вероисповедания русское правительство добивалось для православных не только религиозного, но и политического покровительства. Для этой цели в договоре имелась 11-я ст., в соответствии с которой во всех владениях Османской империи создавались русские консульства и вице-консульства. «Вероятно, сами творцы Кючук-Кайнарджийского мира, прорубая окно на Балканы, не сознавали далеко идущих последствий 14-го артикула насчет права посланников «говорить» в пользу единоверцев, — отмечает В.Н. Виноградов. — Турецкие делегаты ведать не ведали, что, подписывая трактат, они закладывают мину замедленного действия под здание своей державы»⁴.

Договор связывал Блистательную Порту обязательствами по защите христиан и по восстановлению широкой автономии Дунайских княжеств. Соответствующие положения искусно «раскиданы по разным статьям договора в беспорядке, делающем честь дипломатам царицы, — писал А. Сорель. — Они составляли основу тех обязательств, из которых русские публицисты сделали вывод о юридическом праве России осуществлять свою цивилизаторскую миссию на Востоке и вмешиваться во внутренние дела Оттоманской империи»⁵.

Заключение Кючук-Кайнарджийского мира укрепило позиции России на Балканах и на Ближнем Востоке. Однако политический триумф 1774 года не принес ожидаемого умиротворения. Блистательная Порта не могла смириться с понесенными потерями. Понадобилось заключение Айналы-Кавакской «изъяснительной» конвенции (1779 г.), чтобы подтвердить все статьи Кючук-Кайнарджийского мира, но и после этого разногласия не прекращались⁶. Камнем преткновения оставался Крым. Хотя он был объявлен независимым, но, опираясь на татарскую знать, Турция стремилась вернуть его. У крымских берегов все чаще стали появляться турецкие военные корабли. Капитан-паша вынашивал планы высадки многочисленного десанта. Обстановка постепенно обострялась.

Несмотря на то, что уже в ноябре 1774 г. были взаимно рассмотрены и изучены ратификационные документы, официальное утверждение мирного договора турецким султаном состоялось 13 января 1775 года.

19 марта 1775 г. был опубликован манифест императрицы о заключении Кючук-Кайнарджийского договора⁷. В нем подчеркивались пункты, которые в дальнейшей дипломатической борьбе выдвинулись на первый план: об облегчении участи христиан, о покровительстве над православной церковью в Турции. Далее, отмечалось значение русско-турецкого договора для безопасности русских границ, а также для развития торговли по Черному и Средиземному морям.

После состоявшейся ратификации, в соответствии с 27-м артикулом, предстояло совершить обмен чрезвычайными посольствами. 24 апреля 1775 г. чрезвычайным и полномочным послом Российской империи был назначен Репнин. Готовясь к официальному вступлению в должность, он внимательно изучал церемониал, с которым принимали в свое время русского посла А.И. Румянцева. Поверенный в делах в Константинополе полковник Х. Петерсон прислал специально для князя книгу с переводом посольских церемоний при султанском дворе. Важные рекомендации по этикету давал А.М. Обрезков, который советовал при беседах с турецкими дипломатами «сильнейшие резоны беречь на закуску»⁸. В турецкую столицу были отправлены курьеры с грамотами к турецкому султану Абдул Гамиду и верховному визирю⁹.

Дипломатическая миссия Репнина не исчерпывалась аудиенциями у великого визиря и у султана. Он должен был добиваться, чтобы положения договора не остались лишь на бумаге. Турецкие войска находились еще в Крыму, положение Молдавии и Валахии еще не выяснилось, русские пленные не все были возвращены России, значительное число российских подданных оставалось в рабстве у частных лиц. Неопределенными были возможности развития внешней торговли России в турецких владениях.

Вместе с рескриптом о назначении Репнин получил подробнейшую инструкцию за подписью императрицы¹⁰. Перед послом ставился ряд задач:

1. Выразить миролюбивую политику Российской империи к соседним странам, и особенно Порте Оттоманской.

2. Убедить турецкое правительство не рассчитывать на мнимых друзей (Францию, Австрию), а полагаться во всем на Россию.

3. Разъяснить турецкому кабинету важность статей мирного договора для Османской империи: а) полезность свободы и независимости для крымских и ногайских татар (политической и гражданской); б) выгоду свободного мореплавания российских торговых судов в турецких водах; в) целесообразность строительства на русско-турецкой границе городов и крепостей.

4. Для отвлечения внимания султанского кабинета министров от татарских дел следовало обратить его внимание на «самовластное захваченное австрийским двором знатных кусков возвращенных ей (Порте) миром в полной целостности княжеств Молдавского и Валашского».

5. В вопросе о захваченных австрийцами землях поддерживать Порту морально, чтобы она не боялась требовать возврата своих земель и не опасалась «быть втянутой в новую войну», потому что «коренные ее силы» требуют только «обновления бодрости в духе правителей». При этом следовало объяснить турецкому правительству, что Россия с Пруссией заняли по отношению к венскому двору «критическую позицию, обуздывающую его (венский двор) со всех почти сторон в самой внутренности его владения».

6. Убедить Турцию в невыгодности для нее допуска французских кораблей в Черное море. Одновременно посол должен был воспрепятствовать проникновению Англии и Голландии в Черное море.

Открытие для европейских держав доступа в Черное море могло в корне подорвать зарождавшиеся российско-турецкие торговые отношения. Особенно чувствительно торговая экспансия этих держав отразилась бы на экономике юга России. Таким образом, Репнин должен был настоятельно подчеркивать, что Черное море следует рассматривать как закрытое для любых судов третьих держав.

7. Убедить Порту, что хотя в соответствии с договором сооружение новых строений разрешено, Россия закончит только строения и селения, строительство которых началось в годы войны. Эти селения создаются для составления «вдоль границы полезной цепи для заведения новой коммерции». Именно ради процветания торговли Россия добивалась уступки крепостей Керчи, Еникале и Кинбурна — «дабы иметь на оном Черном море собственные свои пристани, когда прежние наши в Азове и Таганроге стали от мелководия совсем неудобными».

8. Защищать всеми способами православных единоверцев во всех районах Оттоманской империи. Поддерживать при Порте интересы Молдавского и Валашского княжеств.

Пункт о защите православных единоверцев появился впервые; позднее, на протяжении более ста лет, он фигурировал в аналогичных документах. Российская дипломатия выступала за религиозное равноправие православных. Но это значило бы крах всей системы турецкого управления и господства, зиждившейся на религиозной розни¹¹.

9. Всесторонне изучить состояние турецкой торговли и перспективы распространения российской коммерции не только в Константинополе, но и в других городах.

Помимо всех этих и других задач, поставленных императрицей, Репнину предстояло заниматься финансовыми делами, касающимися выплаты контрибуции, а также собирать сведения о состоянии армии и флота бывшего противника, изучать экономику Турции и возможности развития внешне-торгового сотрудничества.

Примечательны слова, которыми заканчивается инструкция, обращенные к новому послу: «Доверенность наша к вашему искусству, к вашему усердию и к вашему прониканию, решили наш выбор на персону вашу и в

толь важном и знаменитом посольстве; что мы несумненно ожидаем от оных счастливого успеха во всем вам порученном, купно же и неприкосновенного сохранения во всей целостности представляемого вами высочайшего нашего достоинства; и что служба ваша будет нами всегда с благоволением и милостию признаваема»¹².

В конце апреля 1775 г. Репнин выехал в Константинополь. Посольство двигалось не спеша, чему была своя причина. 16 марта Репнин писал полковнику Х. Петерсону: «Я не могу приехать в Царьград прежде, как по прошествии года от подписания трактата»¹³. Такова была дипломатическая традиция.

В журнале посольства записано, что «мая 29-го в 11 часов с половиною поутру выехал из Киева со всею своею свитою около 700 человек его сиятельство при пушечной пальбе с крепости». Многолюдность свиты объясняется наличием у дворян своих слуг; посла же и его помощников сопровождали семьи; эти люди не входили в официальный состав посольства. Согласно расписанию посольства, в Константинополь отправлялись: один советник, он же маршал посольства — Яков Иванович Булгаков¹⁴, два секретаря, 12 дворян и офицеров посольства, два комиссара, священник, два медика, восемь переводчиков, десять студентов, всего — 39 человек. Военная команда насчитывала семь офицеров, 14 унтер-офицеров, 30 кирасир, 30 гусар и 60 гренадер, оркестр — 18 человек. Таким образом, людей, непосредственно связанных с посольством, насчитывалось 198 человек¹⁵. 26 июня посольство миновало Хотин. 2 июля 1775 г. под Хотинем на Днестре, разделявшем Россию и Турцию, состоялся обмен послов.

При проезде через Молдавское и Валашское княжества Репнин встречал везде торжественный радушный прием. Господари обоих княжеств окружали его почетом и уважением как представителя российской императрицы — защитницы единоверных христиан. Въезд в каждую из столиц сопровождался церковным колокольным звоном, а для встречи выделялся почетный эскорт.

Во время остановок Репнина посещало молдавское и валашское духовенство. Представители дворянства и купечества обоих княжеств обращались к нему с жалобами на невыполнение статей Кючук-Кайнарджийского договора. Они также выдвигали новые требования, вытекавшие, по мнению местных просителей, из условий договора¹⁶. Подобные обращения жителей Молдавии и Валахии свидетельствовали о том, что Кючук-Кайнарджийский договор значительно усилил национальное самосознание местного населения, способствовал возникновению патриотического движения в княжествах.

Между тем, когда через Валахию и Молдавию проезжал турецкий посол Абдул-Керим, отношение к нему было совершенно иное. Он прибыл в Молдавию раньше, чем Репнин, и повел себя так, как обычно вели себя турецкие вельможи в землях подвластных народов. Полковник Петерсон сообщил Репнину из Константинополя, что Порта торопит русского посла с его прибытием в Хотин. «Причиной тому, — сообщал он, — суть беспрестанные жалобы молдавских агентов на турецкого посла, который, ожидая приезда вашего сиятельства на границу, живет в Молдавии и великие там делает обывателям обиды и хищения». По словам Петерсона, турецкие власти желали «избавиться от хлопот, причиняемых им жалобами агентов молдавских»¹⁷.

Посольский журнал свидетельствует, что вся русская делегация во главе с послом «с распущенными знаменами и игрием музыки, барабанным боем» вошла в Константинополь через Адрианопольские ворота. Въезд же в Перу — пригород Константинополя, где располагалась российская дипломатическая миссия, происходил уже вечером с зажженными факелами, под военную музыку. Только один посол верхом на лошади, подаренной султаном, въехал во двор миссии; сопровождавшие его турецкие вельможи шли пешком¹⁸. Вся процессия, под звуки военной музыки, при свете горящих факел-

лов представляла грандиозное зрелище. При мерцающем свете стройными рядами проходили через турецкую столицу российские гренадеры и гусары из военной команды Репнина.

Прибыв в Константинополь, российский посол первым делом приступил к изучению внутривосточной обстановки в столице Османской империи, расстановки политических сил в Серале, общественного мнения среди турецких подданных. «Можно сказать, по настоящему расположению Порты кажется без ошибки, что поколь только она нас боится, потоль и доброе согласие с нами содержать станет, почитая себе постыдными и тягостными главные постановления мирнаго трактата»¹⁹, — писал Репнин вице-канцлеру графу И.А. Остерману.

Осложнения постоянно возникали по вине фанатично настроенных слоев населения турецкой столицы, влиявших на внешнюю и внутреннюю политику Порты. В Константинополь прибыла делегация от крымского хана Девлет-Гирея с ходатайством о спасении татарского народа, которому грозит гибель ввиду соседства Российской империи. Репнин, ознакомившись с политической обстановкой, сделал вывод, что приезд татарских представителей инсценирован самой Портой. «Порта сама возмутила татар, — докладывал он 16 ноября 1775 г. графу Н.И. Панину. — Сие несомненно, но за сие ухватилось теперь фанатическое духовенство, корпусу коего и сам султан, когда они говорят, что Закон (исламская религия) так велит, противиться не смеет, они ведут дело далее нежели сама Порта, кажется, желает»²⁰.

Репнин пришел к заключению, что враждебное отношение улемов (священнослужителей), имеющих непререкаемый авторитет в народе, вызвано рядом причин, среди которых первой была и «ненависть их к нам по ненависти к нашим здешним многочисленным единоверным». Второй причиной посол считал нарушение торговой монополии улемов в Причерноморье. Исламское духовенство контролировало всю торговлю, «а теперь опасается себе в нас неприятных товарищей». Третьей причиной представлялось ему противоборство улемов с рейс-эфенди (главой внешнеполитического ведомства), «коего кредит их в зависть приводит, и такого хотят ему шею сломать, замешав дела хоть до разрыва». Немаловажную причину «безрассудства и фанатизма» мусульманского духовенства посол видел и в том, что «они (улемы) страха от войны не имеют, не бывая ни коли в армии, а оставаясь здесь»²¹.

В своей депеше посол выделил еще один фактор нестабильности — воинственное настроение жителей Константинополя. Поведение так называемой «черни» столицы использовали политические лидеры Турции. Патриотическую энергию низов они умело направляли в нужное им русло, «понеже ко всему Корпусу Империи (всей остальной стране) здесь ни малого уважения не имеют, а все решения правительства принимаются по импрессиам одной столицы, которые министерством и государем часто руководствуют»²².

Турецкое правительство пыталось воздействием на русского посла смягчить условия Кючук-Кайнарджийского договора. Прозрачные намеки, сделанные через драгомана Порты (главного переводчика), вылились в ноябре в определенные требования: 1) отменить независимость татар ввиду их «нежелания» быть вольными; 2) возвратить Турции крепость Кинбурн; 3) оставить за Портой полуостров Тамань. В случае отказа главный переводчик Порты не исключал возможность войны. Видя, что завуалированные угрозы не действуют, русского дипломата пытались подкупить, но безуспешно. «Переводчик Порты, будто бы от своего собственного лица, предлагал награждение денежное или какой обмен за ее требования. Я ж на все отказ говорю»²³.

Однако на этом дипломатическая борьба не закончилась. Порта жаждала пересмотра статей договора, касающихся независимости татар, Тамани и Кинбурна. Рейс-эфенди в январе 1776 г. вновь поднял «татарский вопрос». При этом свои «представления» он обосновывал желанием Порты «выйти из крайних бедствий коих они во внутренности своей опасаются». Здесь подразумевались массовые народные волнения в столице. «Я, отвергнув оное совершенным и точным отказом, сказал, что ни одного слова в трактате нами

переменено не будет, — доносил Репнин Екатерине II, — и что ни коли не отступим мы от того, чтобы он точно исполнен был во всей силе его содержания». Но глава внешнеполитического ведомства Турции продолжал настаивать на своих требованиях. И тогда российский посол прервал его, ответив, что «из одного уважения к его особе выслушал я сии представления, столь несправедливые и противные торжественным и священным обеим сторонам обязательствам, а должность моя не позволяет мне не только их принимать или об оных говорить, но и слушать, почему, сим оконча, прошу, чтоб вперед не доводить меня до неприятности сие повторять». В конце беседы он потребовал от рейс-эфенди, чтобы Порта освободила татарские крепости от своих войск и отослала обратно татарскую «депутацию», потому что «и то и другое противно обязательствам обеих империй». На прощание посол напомнил, что «еще из первого срока не заплачено Портою должных России по трактату денег 75 мешков и что нужно для переды исправнее меры принять для остального платежа»²⁴.

Репнину пришлось иметь дело и с провокациями турецких дипломатов, и с «психическими атаками». Характерно в этом смысле заявление рейс-эфенди через драгомана Порты об отказе уплатить остаток контрибуции, сопровождавшееся рассуждением о неизбежности новой войны по вине русского посла. Если же это свершится, то и «весь трактат уничтожится», а потому, ожидая этого, Порта не может «исполнить пункты платежа денег». Хотя, по выражению главного переводчика Порты, они не надеялись на ведение «щастливой войны», но Россия в лице своего посла, не желая «вывести из сей крайности снисхождением по татарским делам», принуждает Турцию «отважиться на все бедствия»²⁵.

Таким образом, турецкие дипломаты хотели представить дело так, что в невыполнении условий мирного договора повинно российское посольство. Тогда Репнин напомнил, что Порта, «позабыв нещастия, коим она подвержена была в прошедшую войну, тож умеренность нашу, коею единою она из тех нещастий вышла, теперь нарушает все ее клятвы и несправедливость свою по татарским делам усугубляет» еще отказом платить должные ей деньги; все это выглядело как явное желание договор этот «всячески уничтожить». Однако, «видя, что все сие не действует», Репнин сам перешел в контратаку и «прибавил... чтоб они не думали, что сии их попытки уменьшат хоть мало твердость России настоять в своих правах и оные защищать; что, правда, не желает она войны... но при всем том... не допустит она в молчании себя лишиться прав, ею столь свято приобретенных, что так знатную, великую и сильную Империю, коей могущество Порта сама вкусила, не можно принудить поступать по одним их прихотям, и что она с тою же твердостью, имея справедливость на своей стороне, станет свои права защищать, с какою приобрела»²⁶.

Перед главным переводчиком Порты в этот момент предстал не «партикулярный» дипломат, а боевой генерал-победитель, уверенный в себе и в военной мощи государства, которое он представлял. Это был характерный для Репнина стиль ведения дипломатических переговоров с турками: вежливая, насыщенная любезностями форма и непоколебимо твердое, а порой и жесткое содержание, не предполагающее никаких уступок и компромиссов. Князь помнил всегда, что он победитель и представляет великую Империю.

Видя непоколебимость и решительность посла, драгоман Порты вынужден был, по существу, взять свои слова назад: рейс-эфенди якобы «только разсуждение в разговоре делал... что не можно иного ожидать как бедственного разрыва, вследствие чего не смеет он продолжать денежный платеж, но точно оного (платежа. — И.Б.) не отказывает и справедливость его признает, как и то, что он связи с их прочими требованиями не имеет». В ответ Репнин «простодушно» ответил: «Я не разумею сих тонких различений, а думаю, что столь важные слова в разговоре только говорены быть не должны». Поняв, что зашел слишком далеко, «переводчик Порты начал клясться, что не намерены они ни мало нарушать трактат... что не уступок они наших требуют,

а просят дружеской сделки... и желают только, чтобы мы по сему в переговоры вступили, дабы усмотреть, что возможно, а что нет». На это Репнин «ответил решительным отказом... после чего еще раз прибавил, что Россия ни коли ни в одном слове не отступит от трактата»²⁷.

Всесторонне и глубоко Репнин изучал проблемы, связанные с налаживанием торговых отношений, исправляя первоначально допущенные просчеты. Он организовал переселение всех желающих поселиться в российских областях на побережье Черного моря. В результате возникли многочисленные поселения, где большинство жителей составляли греки, болгары, переселившиеся в Россию в 1770-е — 1790-е годы. Только 7 октября 1775 г. в Россию было отправлено 112 переселенцев. В российские области пожелал переселиться ряд владельцев кораблей²⁸. Репнин заботился и об устройстве дальнейшей судьбы капитанов-иностранцев воевавших на своих судах под флагом России в прошедшую войну. Капитана С. Лоренце, «оказавшего многие услуги», посол рекомендовал принять на российскую военную службу. Вице-президент Военной коллегии Г.А. Потемкин повысил его в чине и зачислил в свою команду. «Господин Варваки, один из каперов, находившихся в нашей службе и особливо себя в оной отличивший», также был послан в Петербург с рекомендациями Репнина. «Персона его сделалась особливо неприятною Порте, потому что, будучи Райя Султанской, то есть директной его подданный, служил он против его в последнюю войну и ожесточил правление как ревностию своею к нашей службе, так, может быть, под предлогом оной и персональным своим поведением. Чего ради не может более продолжать мореплавания по здешним водам как в рассуждении собственной безопасности, так и для предохранения нашего флага от всякой обиды, которую турки могут оному причинить из ненависти к его особе»²⁹, — писал Репнин.

Обеспечение безопасности российских подданных в турецких владениях требовало больших усилий. Через консула в Смирне и своих агентов русский посол организовал поиски военнопленных и невольников, находившихся в рабстве у частных лиц. Из своих средств он оплатил долги русских офицеров, находившихся в плену. Этот великодушный поступок был оценен по достоинству императрицей. Ведавший иностранными делами граф Н.И. Панин сообщил Репнину: «Заплаченные от вас константинопольским заимодавцам долги наших в полону бывших офицеров, указано от всемилостивейшей государыни поставить на казенный счет без всякого у них вычета»³⁰.

Деятельностью его в Петербурге были довольны. В рескрипте императрицы от 5 февраля 1776 г. отмечалось: «Специально всемилостивейше апробуя все ваши благоразумные отзывы и поступки, как в пункте торжественного вашего представления Порте на аудиенции Султану и на визите у верховного везира, так и глас благопристойной твердости, с коею встречали вы прихотливые турецкие требования по татарским делам, судя по первым вашим успехам в церемониальных обрядах и в одержании тут от Порты прежде никогда не бывалых с ее стороны отличностей, не хотим мы сомневаться, что и исход ваш в посольстве, до самого выезда из пределов империи Оттоманской, будет во всех частях и подробностях только же удовлетворителен, как до ныне было начало и течение онаго». В этом же рескрипте Екатерина II поручила Репнину преподать наставления своему преемнику — статскому советнику А.С. Стахиеву, направленному к Порте в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра, — «если вы по местной бытности и по обретенному знанию людей и нравов при Порте, найдете за полезное присовокупить с своей стороны некоторые рассуждения»³¹.

Копия письменных наставлений Репнина новому дипломатическому представителю сохранилась в архиве³²:

1. Поступать с непоколебимой твердостью в вопросе соблюдения всех обязательств трактата.

2. Порта сама не решится поднять оружие, но, «оставаясь в покое», будет вырабатывать систему, чтобы «уничтожать по частям предписания трак-

тата», не исполняя их, и в это же время будет всеми способами умножать число своих сторонников в Крыму.

3. Следует особенно обратить внимание на то, что внутривосточные и международные обстоятельства, «чинимые по внушениям недоброжелательных нам держав», могут привести к объявлению войны со стороны Порты.

4. Главное дело российской дипломатии в Турции на данном этапе — «татарский вопрос», от его решения зависит течение всех других дел, среди которых главнейшее — «вольное торговое плавание во всех турецких водах, и таковая же везде коммерция».

Подробнейшим образом разъяснено вступающему в дела дипломату реальное положение иностранных посланников и министров: степень влияния каждого из них на Порту, их личные особенности, неофициальные связи в правительстве Турции. С учетом этого сделаны выводы, на кого из иностранных послов возможно рассчитывать Стахиеву.

Краткая, но емкая характеристика дана наиболее влиятельным лицам Сералия. Самым серьезным противником назван рейс-эфенди, обладавший огромным влиянием на всю политику Порты. Любопытна следующая характеристика, данная Репниным турецкому государю: «Султан — человек самого малого разума, которым он управляет как хочет». «Рейс Эфендия дрожат, а Султан сам не только ограниченного разума, но, так сказать, совсем младенческого, отзываясь не скрытно, что он сам в дела путаться не хочет, а оставляет их предводительство своему Министерству, дабы оное в силу закона их было»³³. Характеризуя турецкое правительство, Репнин высказал следующее мнение: «Места же Министерства турецкого, начиная с везира, все наполнены людьми робкими и недалекими, которые трепещут Рейс Эфендия и ему во всем повинуются. Правда, что духовенство здешнее ему злобствует, но кредит его так велик, что по сих пор сей Корпус, столь здесь сильный, ему ничего сделать не мог: а низвержение сего человека, я считаю, нам бы было полезно»³⁴.

Для облегчения дипломатической работы и повышения ее эффективности Репнин раскрыл свои разведывательные каналы «через которые... сведения получал». Среди его агентов были и султанский фаворит, «через которого мы ратификацию на мирный трактат получили», и придворный доктор Гобис, «который лечит Султана и всех его жен, почему вход вольной в Сераль и связи там имеет». Врач действовал по доброй воле, «которую еще можно усилить деньгами, понеже он к ним лаком», а целесообразнее всего его использовать в султанском дворе, чтобы «там распускать новости, какие вы захотите туда допустить». Добровольно сотрудничал с Репниным богатый армянин Кулели — один из доверенных друзей рейс-эфенди. Он никакие внушения не делал своему высокопоставленному другу, а только извещал «о всем том, что до его сведения доходило, стараясь разведывать о нужных нам вещах»³⁵.

Сотрудничали с послом и высокопоставленные чиновники из канцелярии главы внешнеполитического ведомства Турции. Один из них, Беслинчи-эфенди, писал все указы правительства, а второй, Ахмет-эфенди, составлял доклады Министерства иностранных дел султану. «Я, — писал князь, — их начал помаленьку прикармливать, останется вам коль возможно будет продолжать и умножать нашу с ними связь, а через них бы могли иметь верные известия о всех намерениях и планах Порты»³⁶. Были и другие добровольные и платные агенты среды чиновников Порты, руководителей турецкой таможни. Кроме того, своих шпионов посол разослал в турецкие крепости Очаков, Трапезунд, Синоп и некоторые другие важные в оборонном отношении города, чтобы собрать сведения о военных приготовлениях Порты.

Приведенные наставления Репнина позволяют сделать вывод, что разведывательная, агентурная работа была организована на высокопрофессиональном уровне. Подбор в короткий срок (четыре месяца к моменту написания наставлений) пребывания в столице Османской империи ценнейших

источников секретной информации из правительства и султанского двора — значительный успех русской дипломатии, достигнутый благодаря усердию, инициативе и предприимчивости Репнина, и одновременно — проявление дипломатического искусства, умения понимать людей, располагать их к себе, делать их своими союзниками и помощниками. Сеть агентов, созданная Репниным, долгие годы снабжала русских дипломатов полезной информацией. Поток сообщений не прерывался даже когда в годы второй русско-турецкой войны посланник Я.И. Булгаков (в 1775—1776 гг. — советник посольства Репнина) находился в тюрьме Семибашенного замка. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы³⁷.

29 марта 1776 г. Репнин имел прощальную аудиенцию у султана, на которой произнес речь³⁸. 31 марта он посетил великого визиря, а 13 апреля российское посольство выехало из Константинополя. В турецкой столице для постоянной работы осталась небольшая дипломатическая миссия во главе с посланником Стахивым.

Выработанная в 1774—1775 гг. наступательная программа русской политики в Юго-Восточной Европе последовательно проводилась в течение десятилетий. Статьи Кючук-Кайнарджийского договора дали опору российской дипломатии в борьбе вокруг балканской проблемы. Этот трактат «стал важным рубежом в истории международных отношений Юго-Восточной Европы нового времени»³⁹, в немалой степени — благодаря дипломатической деятельности Репнина. Ему удалось, несмотря на интриги и сопротивление турецких дипломатов, отстоять внешнеполитические интересы своей империи и возобновить прерванную войной русскую дипломатическую деятельность в Константинополе.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, д. 2011, л. 275.
2. РГВИА, ф. ВУА, д. 133, л. 8—33; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). Т. 19, № 14164, с. 957—967; ЮЗЕФОВИЧ Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб. 1869, с. 24—41.
3. ЗЕЛЕНИНА Л.В., ШЕРЕМЕТ В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» В кн.: XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М. 2000, с. 114.
4. ВИНОГРАДОВ В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир — окно на Балканы. В кн.: Век Екатерины II. М. 2000, с. 121.
5. Цит. по: ПЕТРОВ Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб. 1890, с. 359.
6. ПЕТРОВ А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб. 1880, с. 13.
7. ПСЗ-1. Т. 20, № 14274.
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 90, оп. 1, д. 617, л. 58—64.
9. Там же, ф. 89, оп. 8, д. 59, л. 1—2; д. 110, л. 1—2.
10. Там же, ф. 90, оп. 1, д. 613, л. 2—12об.
11. См.: ВИНОГРАДОВ В.Н. Ук. соч., с. 121.
12. АВПРИ, ф. 90, оп. 1, д. 617, л. 52.
13. Там же, л. 52.
14. АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 467, л. 6. Я.И. Булгаков (1743—1809) — дипломат; служил советником посольства в Варшаве с 1767 года. С 1781 по 1789 г. — посланник в Турции. В 1787 г. отверг турецкий ультиматум и был заключен в Семибашенный замок, где провел более двух лет. В условиях начавшейся войны и строгого заключения он сумел заполучить через своих агентов секретный план ведения боевых действий Турцией и переслать его в Петербург. В 1790—1792 гг. — чрезвычайный и полномочный посол в Польше, затем рижский гражданский губернатор. Друг и последователь Репнина.
15. АВПРИ, ф. 90, оп. 1, д. 613, л. 35—37.
16. См.: ДРУЖИНИНА Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. М. 1955, с. 318.
17. Сб. Русского исторического общества (РИО). Т. 5, с. 180—181.
18. АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 467, л. 6.
19. Там же, д. 453, л. 8.

20. АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 451, л. 55.

21. Там же, л. 55об., 2об.

22. Там же, л. 55об.

23. Там же, л. 54об.

24. Там же, д. 461, л. 2об., 4об.

25. Там же, л. 9об.

26. Там же, л. 9об., 11.

27. Там же, ф. 79, оп. 8, д. 461, л. 12—13об.

28. Там же, ф. 89, оп. 8, д. 451, л. 22, 15.

29. Там же, д. 466, л. 2; д. 451, л. 1.

30. Там же, д. 451, л. 56об.

31. Там же, д. 460, л. 1, 2.

32. Там же, д. 462, л. 6—18.

33. Там же, л. 11об., 12об.

34. Там же, л. 11об.

35. Там же, л. 12, 12об.

36. Там же, л. 13—13об.

37. Там же, ф. 84, оп. 8, д. 717, 722, 732.

38. Там же, ф. 89, оп. 8, д. 462, л. 73.

39. БАЖОВА А.П. Война 1768—1774 годов. Кючук-Кайнарджийский мир. В кн.: История внешней политики России. XVIII век. М. 2000, с. 124.